

The background of the book cover is a photograph of a dark, wet asphalt surface. Several yellow and brown autumn leaves are scattered across the surface, some lying flat and others partially submerged in small puddles of water. The lighting is somewhat dim, creating a moody atmosphere.

Павел Сочнев

Размышлялки

Серые

Павел Николаевич Сочнев

Размышлялки. Небо, смена, осень, сон и другие. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27691253

SelfPub; 2017

Аннотация

Короткие очерки-размышления. Как иногда интересно бывает разобрать самого себя, свои мысли, поступки, желания. Ответить на вопросы «Зачем?», «Почему?». Максимально честно самого себя спросить и так же честно себе ответить. И тогда, если получилось хоть и не абсолютно честно, но более честно, чем в прошлый раз, человек становится немного другим. И, если получится – записать. Такие вот размышления о светлом будущем, жизни, сне.

Содержание

Что такое—жизнь?	4
Небо	7
Похороны	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Что такое–жизнь?

Как-то весной поехал в Пермь, «грызть гранит науки». Период был какой-то суевливым – работа не клеилась, быт заедал, машину надо было сдавать в ремонт, ещё и в больницу положили – сердце нашли и врачам оно не понравилось. В связи с кучей дел, пришлось сбежать из больницы и выехать рано. Ещё затемно, чтобы всё успеть.

Для полноты ощущений в эту ночь переводили часы на летнее время. Я про это совсем забыл, точнее не сильно то и помнил. «Доброе» «Авторадио» освежило память и времени на путь до Перми стало на час меньше. Его и раньше было на час меньше, но я об этом не знал.

Полученные знания радости не принесли. Вот так и ехал в грязной (снаружи) машине по грязной и обледенелой дороге, среди грязных сугробов с каким-то одноцветным настроением. Состояние, тоже было из описываемого цветового спектра – какое-то непонятно серое.

«Авторадио» то пело, то что-то бормотало про курсы валют, катастрофы и иные гадости. И вдруг– «Призрачно всё, в этом мире бушующем. Есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь...». Очень хорошая песня.

И почему-то прошлое ушло в прошлое, будущее, раство-

рившись где-то далеко впереди, стало дожидаться моего появления, а я остался в настоящем. На весенней дороге, среди просыпающейся, после зимы, природы, в удобной комфортной и очень надёжной машине, которая несла меня через настоящее из прошлого в будущее. А оно, это будущее, почему-то потеряло оттенки, но хуже от этого не стало. Оно у меня было. И это радовало. Хорошо, когда у тебя в настоящем есть будущее. Которое каждый миг становится прошлым. И это прошлое – тоже твоё.

Мысли, чуть-чуть посидев в настоящем, вернулись в прошлое. Нет не все, кто-то остался со мной, а те – из прошлого расковыряли то, что я видел не более полугода назад. «Краз» с тралом, обутый в колёса – «лапти», со швеллером вместо бампера врезался в синюю легковушку. Мне, почему то, показалось, что это была «Рено». Может быть, это не «Краз» врезался, а в него. Это было не важно, я не собирался определять степень вины водителей, я просто увидел, что они встретились. У «Кразы» на бампере–швеллере осталась синяя краска. От легковушки остались разбросанные синие жестянки, осколки стекол, обломки пластика и укрытое какой-то тряпкой тело женщины. Чья-то мать, сестра, дочь или жена. Она была. Теперь у неё ничего не осталось, а у тех, кто её знал – только прошлое. Разное прошлое и страшное настоящее. Оно уже тоже прошлое. Но для тех, которые узнают об аварии позже, оно станет настоящим потом и сразу же прошлым. Как точка в рассказе. Прошлое, после которого

уже ничего не будет.

До, будут воспоминания, детство, юность, радость и огорчения, какие-то встречи, какие-то дела, фотографии, письма, разговоры. А после – только фотография и эпитафия. И настоящее, и будущее будет у других, а она останется в прошлом.

А у меня, пока я в своём настоящем, – всё замечательно, до тех пор, пока к настоящему приложено будущее. Как жаль, что я часто, забываю об этом – о том, что если есть будущее – то это ХОРОШО. Любое будущее – это хорошо. А если его не будет – не будет и меня. А мне будет уже всё равно. Я останусь в прошлом. И чем больше пройдёт времени, тем дальше я буду уходить от настоящего, до тех пор, пока не скроюсь маленькой точкой на горизонте чьей-то памяти. Потом – когда моё настоящее окажется без моего будущего. Тогда моё прошлое станет уже не моим, а чьим-то.

Небо

В детстве я очень любил лёжа смотреть в небо. Днём чистое небо накрывало меня своим бездонным голубым куполом. Высоко летящие самолёты только подчёркивали эту бесконечность. Они, огромные на земле, казались крошечными в бездонности неба. А я – букашка по сравнению даже с самым маленьким самолётом, кто я для неба?

Умудрённый опытом семи прожитых лет, вдруг понимал, что моя уже прожитая жизнь и многие годы ещё не прожитой, не такие уж и многие, точнее никакие. Конечность любой человеческой жизни ещё более умалялась бесконечностью этого голубого купола. Очень не хотелось быстро вырасти, стареть и тем более умереть. Но небо, абсолютно беспристрастно, показывало, что всё познаётся в сравнении и сравнение человеческой жизни с ним – неудачное для человека.

Если долго лёжа смотреть в небо, то приходит ощущение падения в эту бездну. Оно как бы затягивает. И когда страх от философских мыслей и ощущение затягивания начинали вызывать безысходную тоску, я садился. Всё. Всё земное, всё конечное, имеющее границы – трава, лес, сопки, море. А про небо старался забыть, выгнать пришедшие мысли, чтобы не было так очень тоскливо.

Ночью из чёрной бесконечности, на меня, мерцая, смотрело бесчисленное количество крошечных звёздочек. Они были настолько малы, и их было так много, что казались просто пылью. Их было очень много, они были далеко, но ещё больше было так далеко, что я даже и не видел. И если бы смотрел в телескоп, то увидел бы больше звёзд, но ещё больше были бы не видимы даже в телескоп.

Многие из них больше солнца. Они собираются в свои системы, галактики. Вокруг них кружатся планеты. Никогда на них не побываю, я даже не узнаю об их существовании. Ведь Земля, огромная Земля, очень маленькая планета. А я живу в домике на окраине большого посёлка. Его даже хотели назвать городом, но что-то не сложилось, и он остался посёлком. Маленьким посёлком на острове. На одном из самых крупных островов, но настолько маленьким, что во время шторма взлетевших ворон переносит через остров, с одного побережья на другое.

Остров является кусочком территории огромной страны, настолько огромной, что, бывая в отпуске на материке, я иногда объяснял своим новым знакомым, где находится Сахалин и где я живу на Сахалине, а плавать я не умею, потому что живу очень далеко от моря – метров 300.

Если смотреть на карте, которая есть в старом учебнике старшего брата, то наше государство окрашено в розовый цвет и занимает очень много места, но не всё Разноцветными пятнами отмечены другие государства. Их очень много,

некоторые почти такие же большие как наше. И они, все вместе, занимают очень много места – больше чем мы. В них не знают, что есть я, наверно не знают, что есть мой посёлок, может быть не знают, что есть наш остров, а может быть даже некоторые не знают, что есть наша страна. Нет, точно не знают, что есть я. Не знаю почему, но очень хотелось, чтобы знали.

Государства учат своих граждан, торгуют с соседями, что-то строят, выращивают, собирают и ловят, а ещё гордятся своей армией, которая год от года всё сильнее и сильнее, и если что, то мы им покажем, и может даже «как один умрём». Это очень героично – умереть за... И можно стать героем, и назовут школу, и будут рассказывать детям. А я не узнаю. Ведь погибну и всё. А может, не будут рассказывать, и не назовут, или вообще не заметят, и не стану героем. А если погибну, то не смогу объяснить, какой это геройский поступок. И точно, наверно не заметят. Или забудут. Ведь тот дед с выцветшими до бела глазами, который к своей очень маленькой пенсии собирает и сдаёт бутылки и ходит в чистеньком, аккуратном, но очень старом пиджаке, он говорил, что брал Зимний. Он сверг царя, он пусть и не герой, но он история – наша история, он столько мог бы рассказать о том, как боролся за Советскую власть. Может быть с револьвером, или на тачанке, или с саблей. А может быть с револьвером, с саблей и на тачанке! Или на бронепоезде. Зачем на бронепоезде сабля? Пусть будет, потому что вдруг с бронепоезда на та-

чанку... а он здесь, на Сахалине и пенсия очень маленькая. Про него живого забыли.

А звезды, мерцая, смотрят на меня с ночного неба. Никогда не узнаю о том, что может быть где-то есть жизнь, и тем более не побываю на планетах. Будет некогда, уже некогда. Надо учиться, строить, выращивать, собирать, ловить и гордиться своей армией и если что, то, как один...

А если есть жизнь на других планетах, то они никогда не узнают, что есть я. Я живу в огромной стране, на одном из самых больших островов, в маленьком домике рядом с кладбищем, на окраине маленького приморского посёлка.

Мне будет некогда, а они не заметят. Значит просто жить? Как тоскливо. Жить и про тебя никто не знает. Жить ни за чем.

Не надо об этом думать. С утра сделаю космический корабль, или танк, или крейсер, или бронепоезд. И обязательно кого ни будь победу. Или героически погибну. И вечером устало приду домой и за ужином буду вспоминать все приключения, а завтра меня подобьют, а я всё равно героически отремонтируюсь и вернусь домой... И устало выйду из корабля, или вылезу из танка, а может быть с капитанского мостика крейсера мужественно посмотрю на дом, огород. Героям не пристало хвалиться, и родители не узнают, какой я герой.

А небо? Днём будет некогда, а к ночи я устану, и буду спать. Смотреть в небо и думать – это страшно не только де-

тям. И мы играем. Дети в детские игры, а взрослые в настоящие взрослые игры. И не смотрим в небо, не потому что некогда, а потому что страшно и безысходно. Это глупо просто долго смотреть в небо, ведь столько важных серьёзных взрослых игрушечных дел. Этим всем надо заниматься.

А моя старенькая мама как-то грустно сказала: «Как быстро жизнь пролетела».

Похороны

Наш дом стоял в конце улицы, почти на вершине сопки. С одной стороны открывался замечательный вид на море и посёлок. Вечером хорошо было сидеть на горке «горбыля» и любоваться закатами. Они никогда не повторялись. Или смотреть на посёлок.

Осенью в залив входила целая флотилия сейнеров, они ловили селёдку. И тихоокеанскую и иваси. Днём было просто много кораблей, а ночью это был целый город, больше и светлее нашего посёлка. Там была другая жизнь. Незвестна, но романтическая и манящая.

А с другой стороны, прямо за огородом, стоял лес, который я называл «чёрным», было кладбище, и ещё дальше, до другого побережья, сопки и овраги.

Дорога на кладбище проходила прямо за огородом, поэтому я видел все похороны. Если был дома.

В те, уже, наверное, стародавние времена, почти всегда хоронили с духовым оркестром. Он приезжал из райцентра и, вне зависимости от положения дома, где умер человек, процессия сначала выходила на центральную улицу и двигалась по ней, делая большую петлю и проходя, как минимум, через пол посёлка. Даже если покойник жил рядом с кладбищем.

В посёлке было два железнодорожных вокзала – Ильинск,

второй Ильинск, а кладбище, зачастую называли третьим Ильинском. Как последний в жизни вокзал.

Иногда я тоже шёл с похоронной процессией. Из детского, неосознанного любопытства. Весёлые музыканты играли протяжные печальные мелодии, дую в трубы, гремя тарелками и бухая в огромный барабан. А когда они прерывались для отдыха, снова становились весёлыми и запросто могли потрепать, снующих туда-сюда пацанов, по макушке.

Огромных процессий не было, наверно из-за небольшого количества людей, проживавших в посёлке. Но и мало людей, тоже не было. Потому, что все друг друга знали.

Многие люди, идущие в процессиях, чтили память усопшего только своим присутствием. Почему только присутствием? Потому что, идя за машиной с гробом, говорили о чём угодно. Но говорили в полголоса, не смеялись и не шутили. Те, что несли венки, были особенно задумчивыми, но тоже, не изображали вселенской скорби.

Громко, навзрыд, но неразборчиво голосили только женщины, сидящие на машине у гроба. Почему они голосили и плакали, я не знал, да особо и не задумывался. Человек умер. Конечно, грустно, но что поделать. Так случается.

Сам я умирать пока не собирался и мысли, о неизбежной смерти, навевали тоску, только когда я смотрел в небо. Родители были ещё молодые и, тоже, к своим похоронам не готовились. Как все дети, я не часто думал, что будет потом. «Потом» распространялось на завтра, Новый год, 1 сентября

и другие значительные даты. Дня своего рождения я не помнил, никогда к нему не готовился и подарки не заказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.